

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ХРОНОТОПА В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ У.Х. ОДЕНА «FUNERAL
BLUES»

Стихотворение Одена «Funeral Blues» является одним из самых известных в творчестве автора. Об этом тексте уже достаточно много писали, анализировали, но вопрос кому посвящено произведение, остаётся открытым. Каждый читатель воспринимает его по-своему. Одни понимают стихотворение как скорбь девушки, утратившей любимого, другие воспринимают как посвящение ушедшему из жизни другу или возлюбленному. Отсутствие посвящения указывает на то, что стихотворение – безлично, универсально. Но мастерство Одена и заключается в том, что он смог передать скорбь как таковую, не направленную на конкретную личность.

Стихотворение построено таким образом, что от строфы к строфе чувствуется нарастающее напряжение и скорбь, постепенно приобретая вселенский масштаб.

Особенность хронотопа данного стихотворения заключается в *противоречии постоянно расширяющегося пространства и остановившегося времени*. Пространство расширяется от строфы к строфе, а время с первых же слов останавливается. В первой строфе речь идёт о сфере быта.

Stop all the clocks, cut off the telephone,
Prevent the dog from barking with a juicy bone,
Silence the pianos and with muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come¹.

Автор говорит о часах, телефоне, собаке, фортепиано – вещах, которые окружают нас в доме, сюда же приходят плакальщицы. Всё пространство заполнено печалью и трауром: всё замерло, молчит и лишь слышен глухой гул барабанов, под который выносят гроб. В этой же строфе звучит призыв к прекращению действия всех вещей, что выражается соответствующими глаголами *stop, cut off, prevent, silence* – всё это создаёт впечатление остановившегося времени, или времени, которое лирический герой, переживающий смерть близкого человека, пытается остановить. Это особенно видно из первых слов стихотворения: *Stop all the clocks*. Часы – этот неизменный символ бесконечного хода времени – останавливаются. Время больше не существует, а точнее сказать, остановившееся в момент смерти человека, оно существует в замершем состоянии.

Let aeroplanes circle moaning overhead
Scribbling on the sky the message *He Is Dead*,
Put crepe bows round the white necks of the public doves,
Let the traffic policemen wear black cotton gloves².

Во второй строфе пространство расширяется и распространяется на внешний мир – улицы с регулировщиками, голубями, самолётом в небе. На мой взгляд, самыми информативными и эмоциональными являются первых две строки, в которых описывается аэроплан, царапающий в небе слова «он мёртв» (*He Is Dead*). Эти слова звучат без прикрас, лаконично, реалистично и именно своей простотой поражают до глубины души. Простая констатация факта производит ошеломляющий эффект, обличая жестокую реальность. Символом траура здесь являются также чёрные перчатки и креповые банты на шеях голубей.

Третья строфа кажется самой напряженной, ибо горе приобретает мировой масштаб. Ушедший человек был для лирического героя всем: частями света, отдыхом, трудом, днём, ночью, речью и песней – самой жизнью, которая оборвалась.

He was my North, my South, my East and West,
My working week and my Sunday rest,
My noon, my midnight, my talk, my song;
I thought that love would last forever: I was wrong³.

Здесь автор говорит о вечности и осознание того, что ничто не вечно ещё больше нагнетает атмосферу. Жизнь и любовь человека к человеку ставится в противовес вечным не имеющим временных границ понятиям, таким как части света, время суток. Всё это, несмотря на то, что человека больше нет, продолжает существовать. Но в то же время, момент утраты близкого человека, превращается для окружающих в вечность и кажется, что возникшей пустоте не будет конца. В этом и заключается трагизм данной строфы.

The stars are not wanted now; put out every one;

¹ Остановите все часы, обрежьте телефон, / Заставьте собаку прекратить лаять сочной косточкой, / Утишите пианино и под глухой барабан / выносите гроб, пусть плакальщицы придут.

² Позвольте аэропланам кружиться со стоном над головой, / Царапая в небе сообщение «Он мёртв», / Завяжите креповые банты вокруг белых шей голубей, / Пусть регулировщики наденут черные хлопковые перчатки.

³ Он был моим севером, югом, востоком и западом, / Моей рабочей неделей и воскресным отдыхом, / Моим днём, полночью, речью, песней; / Я думал, что любовь будет длиться вечно: я был не прав.

Pack up the moon and dismantle the sun;
 Pour away the ocean and sweep up the wood;
 For nothing now can ever come to any good⁴.

Четвёртая строфа выражает глубокое, разрушающее отчаяние. Одену уже даже размеров планеты мало, личная трагедия для лирического героя принимает вселенские масштабы. Здесь звучит призыв разрушить звёзды, солнце и луну, но в то же время подмести лес, вылить океан. Все понятия в этой строфе употребляются с несвойственными им глаголами. Такие глаголы мы используем, когда говорим о предметах быта. Таким образом, складывается впечатление, что вся вселенная всё же заключается в тесном мирке человека, который нужно разрушить, ибо в нём нет больше никакой пользы. Данную строфу представляется возможным рассматривать как метафорическое описание комнаты умершего человека, т.е. «Свечи больше не нужны; потушите все;/ Упакуйте бра и разберите люстру;/ Вылейте чай из чашки и подметите ковёр...». Таким образом, складывается впечатление замкнутости пространства, т.е. пространство стихотворения имеет круговую структуру. Начинается повествование в комнате, затем постепенно расширяется, но в конце снова возвращается в комнату умершего. Печаль близких так велика, что это пространство разрушается, в нём нет больше никакой пользы.

Что же касается времени, то оно останавливается в момент смерти близкого человека, который являлся для лирического героя всем, и превращается в вечность для пишущего, поскольку он считал себя частью вселенной, центр которой составлял умерший человек.

При переводе данного стихотворения возникают многочисленные сложности. Наиболее удачным, практически дословным и передающим замысел автора, является перевод И. Бродского под названием «Из Одена» [1, с.188].

FUNERAL BLUES	ИЗ ОДЕНА
Stop all the clocks, cut off the telephone, Prevent the dog from barking with a juicy bone, Silence the pianos and with muffled drum Bring out the coffin, let the mourners come.	Часы останови, забудь про телефон И бобику дай кость, чтобы не тявкал он. Накрой чехлом рояль; под барабана дробь И всхлипыванья пусть теперь выносят гроб.
Let aeroplanes circle moaning overhead Scribbling on the sky the message <i>He Is Dead</i> , Put crepe bows round the white necks of the public doves, Let the traffic policemen wear black cotton gloves.	Пускай аэроплан, свой объясняя вой, Начертит в небесах «Он мертв» над головой, И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть, Регулировщики - в перчатках черных пусть.
He was my North, my South, my East and West, My working week and my Sunday rest, My noon, my midnight, my talk, my song; I thought that love would last forever: I was wrong.	Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток, Мой шестидневный труд, мой выходной восторг, Слова и их мотив, местоимений сплав. Любви, считал я, нет конца. Я был не прав.
The stars are not wanted now; put out every one; Pack up the moon and dismantle the sun; Pour away the ocean and sweep up the wood; For nothing now can ever come to any good.	Созвездья погаси и больше не смотри Вверх. Упакуй луну и солнце разбери, Слей чашку в океан, лес чисто подмети. Отныне ничего в них больше не найти. (перевод Бродского 1994).

Наиболее сложным местом для перевода, на мой взгляд, является последняя строчка третьей строфы «I thought that love would last forever: I was wrong». Бродскому удалось с поразительной точностью передать её значение «Любви, считал я, нет конца. Я был не прав». Переводчик точно сохранил размер и ритмику оригинала, но главное – это то, что передано нарастающее напряжение, безысходность. В некоторых местах Бродский позволяет себе вольности, как например, в первой строфе строку «Prevent the dog from barking with a juicy bone» Бродский перевёл как «И бобику дай кость, чтобы не тявкал он», или во второй строфе «Put crepe bows round the white necks of the public doves» переведено как «И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть». В данной строфе виден обратный вариант расширяющегося хронотопа. Если сама трагедия расширяет сферу своего влияния, то боль одновременно сжимает горло. В данном случае бабочка из крепа, повязанная на шее, является символом боли, которая стала «комом в горле».

Как видим, в вольностях проявляется профессионализм Бродского как переводчика, ибо неточности ничуть не искажают, но наоборот помогают выразить атмосферу созданную Оденем. Бродский хорошо чувствовал то, что хотел выразить Оден возможно потому, что они были знакомы и какое-то время Бродский гостил у Одена.

Когда пять лет назад мне в руки случайно попало стихотворение «Funeral Blues», то перевод написан сам собой в считанные минуты. Я не знала даже автора этого стихотворения и перевод получился сквозь призму моего восприятия. Я восприняла его как скорбь девушки по ушедшему из жизни

⁴ Звёзды больше не нужны; потушите все;/ Упакуйте луну и разберите солнце;/ Вылейте океан и подметите лес;/ От них уже не может быть никакой пользы.

возлюбленному. В нем, по сравнению с переводом Бродского, не сохранена рифма и размер и во многих местах допущены вольности.

Главное отличие, как мне кажется, моего перевода от перевода Бродского состоит в том, что Бродскому удалось сохранить универсальность стихотворения, в то время как мой перевод более субъективный.

ИЗ ОДЕНА	ПОХОРОННЫЙ БЛЮЗ
<p>Часы останови, забудь про телефон И бобику дай кость, чтобы не тьякал он. Накрой чехлом рояль; под барабана дробь И всхлипыванья пусть теперь выносят гроб.</p> <p>Пускай аэроплан, свой объясняя вой, Начертит в небесах «Он мертв» над головой, И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть, Регулировщики - в перчатках черных пусть.</p> <p>Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток, Мой шестидневный труд, мой выходной восторг, Слова и их мотив, местоимений сплав. Любви, считал я, нет конца. Я был не прав.</p> <p>Созвездья погаси и больше не смотри Вверх. Упакуй луну и солнце разбери, Слей чашку в океан, лес чисто подмети. Отныне ничего в них больше не найти.</p> <p>(перевод И. Бродского 1994).</p>	<p>Остановите часы, телефон отключите, Запретите собаке лаять на кость. Молчат пианино, идут все проститься, Под гул барабана выносятся гроб.</p> <p>Пусть самолёты воют над нами, Царапая в небе: «Его уже нет», Пусть белые шеи повяжут бантами, Полицейский оденется в чёрный пусть цвет.</p> <p>Он был мне Севером, Югом, Востоком, Западом, отдыхом, тяжким трудом, Днём моим, ночью, песней и шёпотом. Думала, вечно мы будем вдвоём.</p> <p>Пусть гаснут все звёзды – мне их не надо, Исчезнет пусть солнце и месяц с небес, Пусть выльется море, вода водопада. Ничего мне не надо – лишь ты бы воскрес.</p> <p>(перевод мой – О.Л. 2001)</p>

В первых двух строфах Бродский обращается к лирическому герою на «ты», я же в своём переводе обращаюсь на «вы», не к одному человеку, а ко всем сразу, что создаёт впечатление массовости и позволяет с самого начала охватить большее пространство, чем представленное Бродским. Но тем самым, возможно, расширение пространства от строфы к строфе становится не столь очевидным и менее ярко выраженным.

Во второй строфе говорится напрямую о том, что человек мёртв. Бродский переводит данные слова дословно «Он мёртв», подчёркивая жестокую реальность. В своём переводе я использую более мягкую форму для выражения действительности: «Его больше нет».

Значимым недочётом моего перевода является отсутствие деталей, таких как *креповые банты*, *чёрные перчатки*. Данные детали помогают создать атмосферу траура, являются его неотъемлемыми атрибутами. В данном же мной переводе слово «*креповые*» просто опущено, а фраза «*чёрные перчатки*» заменена фразой «*чёрный цвет*».

В третьей строфе Бродский сохранил используемый Оденем повтор притяжательного местоимения «мой», что создаёт связность разнородных понятий, таких как части света, рабочая неделя и отдых, день и ночь. В моём переводе этот повтор отсутствует.

Как уже отмечалось выше, Бродскому удалось дословно перевести последнюю строчку третьей строфы. Она звучит красиво, просто, но вместе с тем глубоко. Данный мной перевод этой строки (Думала, вечно мы будем вдвоём) довольно вольный и выражает отношения двух людей, в то время как перевод Бродского не содержит субъективной окраски.

Ещё одним важным отличием моего перевода от перевода Бродского является перевод последней строчки стихотворения. При переводе эта строчка составила некоторое затруднение. Я не могла составить её более менее точный перевод и при этом выразить то, что чувствую сама. В поиске выхода из затруднений чисто технических, появилось решение и психологической проблемы – не желая мириться с трагедией – через надежду на воскресение (ничего мне не надо – лишь ты бы воскрес). Таким образом, возникает надежда повернуть время вспять, либо начать всё заново, возродиться. В этом и состоит основное отличие передачи хронотопа в переводах, данных Бродским и мной.

Таким образом можно сказать, что делая перевод того или иного стихотворения, невозможно дословно передать текст оригинала. Каждый переводчик, передавая идею и атмосферу стихотворения, привносит в него что-то своё: своё мировосприятие, свои чувства, особенно когда речь идёт о таком стихотворении как «FUNERAL BLUES». Кажется, что каждый, кому довелось пережить потерю близкого человека, воспринимает это стихотворение по-своему. В этом и есть особенность данного произведения.

1. Бродский И.А. Пейзаж с наводнением. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 240 с.
2. Вахрушев В.С. Время и пространство как метафора в “Тропике Рака” Г. Миллера (к проблеме хронотопа) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – №1, 1992.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. / Гл. ред. и сост. А.П. Николюкин. – М.: НПК “Интелвак”, 2001. (с. 1173–1177 – художественное пространство и художественное время).
4. Текст и его компоненты как объект комплексного анализа/ Под ред. И.В. Арнольда. Межвузовский сборник научных трудов. – Ленинград, 1986. – 151 с.